

ВЛАДИМИР РУДЕРМАН

РЕЦЕПТОРЫ ДУШИ

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

Владимир Рудерман

Рецепторы души.

Сборник стихотворений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062397

ISBN 9785449006943

Аннотация

Настоящему поэту подвластны любые темы. Жива ещё философия в стихосложении, и подлинная лирика не увядает даже среди повседневных забот... Полные юмора, глубокого знания жизни и точных наблюдений, стихи Владимира Рудермана рассчитаны на думающих, понимающих, сочувствующих читателей. Эти строки способны разбить кандалы косности, растопить лёд недоверия, расплавить оковы привычного восприятия, чтобы открыть людям глаза на истину, как бы она ни маскировалась.

Содержание

Предисловие	6
Эпоха следом...	8
А за ним следом мчалась эпоха	11
Рецепторы души	13
Поздравительная	15
А совесть снова на закланье	17
Куда несешься, двадцать первый век?	19
А мужичок набрал бокал пивка	21
Исповедь коррупционера. Не вся	23
Когда всё исчисляется деньгами	25
Раз пьём – живём	26
Посадили в тюрьму за растрату	28
А за решетчатым окном иные нравы	30
Лишь только люди продолжают гибнуть где-то	32
Мы терпеливы, до рассвета подождем	33
Я был расстрелян утром на рассвете	35
Не трогайте прошлое	38
Я художник и так вижу	39
Я страшно отдалился от народа	41
Мне писать хорошо вне России	43
Неизбежность – писать	45
Чем меньше кушаем, тем больше вдохновенья	46
Был пятой колонной, жил с пятой графой	48

Вялотекущая страна	50
Ложь и разврат. Надежда лишь на Трампа	52
А люди продолжают уезжать	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рецепторы души

Сборник стихотворений

Владимир Рудерман

Иллюстратор Лилия Гойзман

© Владимир Рудерман, 2017

© Лилия Гойзман, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-0694-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я написал об этом и о том,
Теперь вот жду, что кто-то купит книгу.
Надеюсь, что вместил мой скромный том
Банальных истин вечную интригу.
Мне нужно было высказать всё то,
Что в глубине души лежать устало:
О сладком, горьком, сложном и простом,
О том, что молодость куда-то убежала,
О том, что так хотелось бы порой
В словах, поступках, мыслях и в молчаньи —
Любовь с надеждой через веру и покой,
И не страдать от чувства состраданья.
О том, что многое мы всё-таки смогли,
А то, что нет, не очень уж хотели.
Как за собой мосты мечты сожгли,
И что-то главное ещё мы не успели.
О том, что разные проходим мы пути,
Пересекаясь только на страницах;
Теряем, мечемся, стремясь себя найти,
Чтоб после в жизни тихо раствориться.
Еда, лекарства, крыша и тепло
Важней любых написанных посланий.
Но я пишу, пусть вопреки или назло.
Настрой души – союзник ожиданий.

Тот, кто прочтёт, я верю, всё поймёт.
Запомнит стих или всего лишь строчку,
И, может, к лучшему свой мир перевернёт,
Поняв, что рано в книге жизни ставить точку...

Эпоха следом...
Гражданская лирика

А за ним следом мчалась эпоха

В телефоне сработала двушка,
Вызов быстро достиг адресат.
Мысль, поступок, задержка, психушка,
И по новой весь старый расклад.
Не такой он, как все, да и ладно,
Вечно ищет ненужных проблем,
И по жизни какой-то нескладный,
Словно крыша уж едет совсем.
Распечатал своё обращение
И на площади стал горевать.
Он не держит в себе своё мнение:
За свободу свободу терять.
Достоялся, пока не забрали,
Скручен быстро, и свёрнут плакат.
Огрызался во гневе печали:
Что нам делать и кто виноват?
Люди в штатском зря тратили силы,
В пустоту задавая вопрос.
Чуть побили, потом попросили
Написать анонимный донос.
В общем, вызрело быстро решение:
Те же лица, но белый халат.
Приговор – принудитель леченья,
Ключ снаружи в замке от палат.
А прохожие шли ровным шагом

От великих до вредных идей.
Ветер рвал покрасневшие флаги
И срывал шляпы с важных людей.
Слово в дело – и жизнь полетела,
Посадили лечить его бред.
От уколов душа опустела,
Только мысли добавили бед.
Уж таким он родился беспечным:
Всё, что есть на духу, говорит.
Была жизнь за язык его грешный,
Тлеет совесть, но всё же горит.
Убегал от любой он системы
Не вписался, остался собой.
Жизнь навяла новые темы,
Все молчат, только он рвётся в бой.
Лечит время, но без покаянья.
Значит, всё повторится опять.
Он дотерпит в своём ожидании
И всё тот же достанет плакат.
Вновь с палаты отпущен до срока,
Чтоб комиссии всё не сказал...
А за ним следом мчалась эпоха,
Та, что он на чуть-чуть обогнал.

Рецепторы души

Наш век суров, еду и кров
Не посылает всем и сразу.
Не кормит нас потоком слов,
Не будоражит вены кровь
И головы кивок – к отказу.
Наш век по лезвию души
К нам сквозь рецепторы вползает,
Куда-то загодя спешит,
Уклад неспешный ворошит
И нас от бед оберегает.
Наш век – уставший компромисс
Со всем, что мы понять не смеем.
Полеты вверх, паденья вниз,
Абсурд, банальность и стриптиз...
Горим внутри, снаружи тлеем.
Наш век – гибридная война
В размытых судьбах и границах,
И на осколки имена.
Событий много – жизнь одна;
Поступков нет, есть только лица.
Наш век нас по миру пустил.
Уйти смогли, куда хотели.
Наверно, просто поспешил —
Назад нельзя, вперёд нет сил,
Так и живём – без виз и цели.

Наш век запутался в сети —
Эфир безбрежный интернета.
Мы не смогли его спасти;
Он, словно демон во плоти,
Не будет ждать от нас ответа.
Наш век уходит, мы за ним,
Не видя смысла в продолженьи,
Лишь тень от прошлого храним,
Не слышим тех, кто так раним
Меня суть на впечатленья.

Поздравительная

За тех, кто рядом с нами был,
И тех, кто рядом с нами будет.
За тех, кто водку с нами пил,
И тех, кто завтра нас забудет.
За тех, кого я излечил,
И тех, кто нас уже покинул.
За тех, кто просто рядом жил,
И тех, кто обманул и «кинул».
За тех, кто завтра и вчера
Бросает миру кость надежды.
Хлеб с маслом, чёрная икра —
И чтобы все опять, как прежде.
Чтоб оливье и холодец
Жиры в крови не поднимали.
Чтоб не пришёл к нам всем пиз..ц
В краю «недопитой печали».
Чтоб жить нам всем без новостей,
Порою в Альпах кости грея,
Леча избыточность страстей
Антисемита и еврея.
За тех, кто до конца прочтёт,
Отвечив встречным поздравленьем.
Кто не увидит, не поймёт
В плену забот и самомненья.
Пусть будет светлый Новый год

Сквозь вихри снежных откровений.

И каждый в нем себя найдёт

В потоке чувств и ощущений.

А совесть снова на закланье

Ах, как приятно на душе,
Когда не рвут и не склоняют,
Лелеют, чтут и понимают,
И любят в нужном падеже.
И буйный нрав лишь вдохновляет
Печатать новое клише.
И лишь в упор не замечают
Те, кто решил за нас уже.
А время каждого меняет.
Остынут яйца Фаберже
И по-другому засияют
Для нас на новом рубеже.
Застанет снова град с дождём.
Злой демон гонит нас за двери.
Мы спорим и чего-то ждём,
И в ожиданьи снова верим.
Разбудит лишь внезапный гром
И искры молний, словно цели.
А зло не кончится добром
Пока мы спим в своей постели.
Пот с кровью впишутся потом
В цвета с поблекшей акварели.
Застыли, как с Гоморрой Сдом
Над Мёртвым морем соли мели,
Садится солнце кувырком.

Пока в лучах мы не сгорели,
Находим что-то с дураком,
Теряя с умным, что имели.
И выбор, словно плебисцит,
Где нас к подсчёту не пускают.
Чужая боль не так болит,
Лишь равнодушие убивает.
Мы будем после ни при чём,
Найдя ошибкам оправданья.
И всё по-новому прочтём,
А совесть – снова на закланье.

Куда несешься, двадцать первый век?

Куда несёшься, двадцать первый век?
Какие покоряешь ты вершины?
Куда девался прежний человек,
Заложник виртуальной паутины?

Зачем теряем мы своё лицо,
Предвидя загодя, не видя под ногами?
В закрытых джунглях каменных дворцов
Всё знаем, но не то, что будет с нами.

Куда несет нас тройка скакунов
От изб бревенчатых нескошенного поля?
И технологии лишают сладких снов,
И снова правит бал чужая воля.

И всё во благо, только наночеловек
Невидим и никем не замечаем.
И из здоровых разум делает калек,
Когда рассвет мы за компьютером встречаем.

Нам не угнаться, мы себя не бережём,
И друг на друга мы становимся похожи.
Уже возврата к прошлому не ждём,
Хоть виртуальный друг уж не тревожит тоже.

Зачем всё это, если нет там нас?
Мы книги лишь по фильмам обсуждаем.
Ругаем всех за это каждый раз
И ничего по сути не меняем.

Но что поделать, раз уж так живём —
Как все, а значит, правильно всё это.
Лишь насладившись, после всё поймём,
Уйдя в себя из мира интернета.

А мужичок набрал бокал пивка

А мужичок набрал бокал пивка,
Немного воблы, огурец солёный.
Во мне заметил чужака издалека,
Как будто в баре лишь один я некрещёный.
Подсел с улыбкой завсегдатая бесед,
Раскрепощенного глотком пенистой воли.
За ним тянулся запах сигарет,
И отпечаток на лице душевной боли.
А мне до поезда ещё один бокал.
Ему – домой две остановки на трамвае.
Всё про себя мне сразу рассказал.
Ему кивал я, не перебивая.
«А велика Россия, всё не украдем,
Оставим красть тем, кто придёт за нами.
Пока крадём, мы всё-таки живём,
Войдя в историю великими ворами.
А правде надоела нищета,
Болезни, запахи, нитьё и угасанье.
Ее влечёт успех и красота
В зеленом шарме мирозерцанья.
Кто плачет горько о судьбе своей,
Смотря футбол под пиво на диване,
С обрюзгшим пузом эротических идей,
Тому менять судьбу не по карману».
Он говорил и отпивал чуть-чуть

Ударил в грудь себя, клянясь и споря...
Его души давно понял я суть,
В приливах радости, сомнения и горя.
Меня пытался в чём-то убедить,
Ища виновных в жизни отрешенной.
Вопрос поставил: «Жить или не пить?!»
И что забыл я здесь, «такой учёный»?
Потом стал говорить про крупный счёт —
Не в банке, а на поле стадиона.
И что к деньгам ведёт удача и расчёт,
А не листок престижного диплома.
Я больше слушал, меньше говорил,
Такой подход приводит к уваженью.
Он темы важные, конечно, приоткрыл,
Но я здесь гость, и я не склонен к их решенью.
Допив бокал, ему я пожелал,
Чтобы слова его, да Богу в уши,
И чтоб сбылось всё то, о чём мечтал,
С его родной шестою частью суши.

Исповедь коррупционера. Не вся

От благ земных мы ближе к Господу не будем.
Они лишь отдаляют встречу с ним.
Так трудно сдерживать себя, мы просто люди,
И редко отдаёмся ценностям иным.

Легко сказать и трудно отказаться.
Нам вечно мало, ждём беды и копим впрок.
Уж сколько раз пытались зарекаться —
И снова тянем, словно жить нам новый срок.

И если б лишь своё, а то чужое...
Хотя, порой, никак не разобрать.
И как принять решение непростое:
«Быть иль не быть» созвучно «братъ или не братъ».

Нас цепь связала и никак не отпускает.
Нет сил, желания и воли всё менять.
Сегодня кто-то за лояльность нас прощает,
Чтоб завтра цепи разомкнуть и всё отнять.

Наверно, этого нам в детстве не хватало.
Из бедности до старости транзит.
Уже есть все, а алчность шепчет: «Мало»!
Кто виноват, что плохо всё лежит?!

Мы у себя себя воруюем понемногу.
Себя не жалко, так за что иных жалеть?
Украл батон – найдёшь в тюрьму дорогу,
А миллион – поедешь в Сочи кости греть.

Как мелочно судить лишь нас за это,
Всё понимая, но давая сроку ход,
Народный гнев так и остался без ответа;
Процент повысит тот, кто вслед за мной придёт.

Когда нам всё дадут – мы не дождёмся.
И с детства жизнь учила только брать.
Ползя наверх, однажды мы сорвёмся
Туда, где все: не жить – существовать.

Когда всё исчисляется деньгами

Когда всё исчисляется деньгами,
Рискуешь сам валютой грешной стать.
И, поменяв события местами,
Мечтать, когда и как себя продать.
Всё, что даём, зависит от настроения.
Его мы ждём, как дождь в июльский зной,
Работая в три смены головою.
Не добавляет чашка кофе нам покой.
Есть лишь предел, а дальше – перегрузка.
То, что не с нами, не приходит в жизни вновь.
Себя вжимаем в график жизни заскорюзлый.
Янтарь застывший не волнует нашу кровь.
Всё включено за долгое терпенье.
Украдкой ищем то, что лучше, с кем теплей,
Крадём минуты и теряем направление,
Рискуя высушить всё тело до костей.
А можно заглушить и не пытаться,
И не надеяться себя вновь обмануть,
Не видя разницы, где дать, а где отжаться,
Устав искать всё то, что не вернуть.

Раз пьём – живём

Непрошенные гости жизни этой
Зайдут внезапно через чёрный ход.
И не звенит бумажник уж монетой,
Всё больше шелест стершихся банкнот.

И разливается вино в стакан бумажный,
Разбито загодя всё старое стекло.
За что мы пьём, уже сейчас не важно.
Раз пьём – живём, хоть в этом повезло.

И дальше те, кто так и не вернулся.
Как трудно ждать кого-то – вопреки...
От зимней спячки я давно уже проснулся,
Плывя беспечно по течению реки.

Подъезда запах убивает возбужденья
И грязь под окнами, осколки фонаря.
В реальность вкатывают наши наважденья,
А наши страхи влились в сущность бытия.

За деньги радости, бесплатны лишь утраты.
Не допиваем утром кофе, ночью чай.
То белый снег, то чёрные квадраты,
То красный след укажет нам дорогу в рай.

И всё на глаз аптекарь подсчитает,
И выдаст смесь от вспыхнувшей тоски.
Чем больше прожито, тем меньше нам хватает,
И всё сильней сжимает прошлое в тиски.

Сегодня так, а завтра всё иначе.
Прорвётся день и вытеснит печаль,
А тот, кто без причины только плачет —
Пусть продолжает, мне его не жаль.

Посадили в тюрьму за растрату

Посадили в тюрьму за растрату.
Слишком много в карман опустил.
Недодал, кому надо, откаты,
И не с тем водку в праздники пил.
Посадили, пример в назиданье.
Под компанию глупо попал,
Отрицал, ожидал оправданья,
А теперь: ватник, шапка, вокзал.
Посадили, со зла по указу,
Лишь бы места хватило для всех.
Легче вылечить трижды проказу,
Чем изгнать из себя этот грех.
Посадили, конечно, за дело.
Наступает начало конца.
За три года казна опустела,
Уменьшая округлость лица.
Посадили, напрасные склоки.
Я другим в этой жизни не стал.
Сели б все на реальные сроки,
Если б я обо всём рассказал.
Посадили – и сразу забыли,
Бизнес мой поделив меж собой.
Хорошо, что хоть так, не убили:
Шею в петлю – на вечный покой.
Посадили – и нет возражений.

Завтра в дверь постучат не ко мне.
Беспробудье кухонных суждений
О врагах, что внутри и извне.
Посадили, не нужно прощенья,
Я свободен за грозной стеной.
В нашей совести будет спасенье,
Пусть она и не в доле со мной.

А за решетчатым окном иные нравы

А за решетчатым окном иные нравы.
Блестит в закате грусти старая тюрьма.
И там, и здесь все виноваты и все правы,
Иначе трудно жить и не сойти с ума.

И выбиваются ненужные признанья,
Написанные трепетной рукой.
И в безысходности сгорают все желанья,
Лишь бы вернуть себе утраченный покой.

Пасёт нас время, не давая передышки.
В лицо смеётся, за спиною ворожит.
И двери в прошлое закрыты на задвижки,
Чтоб не мешали настоящее прожить.

Жестокий век диктует слог морали,
И кандалы души повязаны на всех.
И не спасает уже то, что мы не знали.
Мы знаем всё, неся в себе безвинный грех.

И росчерком пера за всё прощают,
Чтоб воронок ночной опять пришёл за мной.
И на свободу срок дают и отпускают.
У каждого – свой год тридцать седьмой.

На части рвётся сердце у поэта,
Опустошён от прежней мощи в сотни ватт.
Душа и совесть прямо в бездну без ответа,
Без покаянья тех, кто в этом виноват.

Без смеха, грусти, пафоса и боли
Всё возвращается на прежнюю стезю.
И за решетчатым окном есть место воли,
Когда прочтённый стих льёт в жалости слезу.

Вновь выживших отпустят с извинением,
Сменив на тех, кто прежних восхвалял.
Храни нас Бог от мести, дав прощенье
Всем тем, кто нас, безвинных, покарал.

Лишь только люди продолжают гибнуть где-то

А вдоль дороги – мёртвые без кос,
Земля пропитана кровавыми следами.
И жизнь так медленно и верно под откос...
И каждый думает, что это всё не с нами.
А об экраны трутся те же имена,
И раздаются в благодушии обещанья.
А за окном идёт четвёртый год война
В гибридной помеси бездушья и страданья.
А кто-то убегает со всех ног
В надежде, что само собой решится...
Легко впустить страданье на порог,
Решив вдруг поменять свои границы.
И не хватает каждому и всем —
Хоть новые пространства на банкнотах.
И все живут в клубке своих проблем:
Кредиты, дом, лекарства и работа.
Легко подняться, чтоб опять упасть
Всё объяснить, оставив без ответа.
Всё знает цену – наша жизнь, поступки, власть,
Лишь только люди продолжают гибнуть где-то.

Мы терпеливы, до рассвета подождем

Внезапность вносит свой порядок в круговерти,
Не всё идёт, как нам хотелось бы идти.
Мы не предвидим ни рождения, ни смерти,
Да и плутаем между ними по пути.

Меняет время наши помыслы и цели,
Что не смогли – не постучится в дверь опять.
Порою лучше то, что мы так не хотели,
Чем то, что мы хотели, исправлять.

А сколько лишнего, не важного, пустого
Нам сокращает то, что не дано продлить.
Застрянет в памяти, как пуля в сердце, слово,
И больно – не достать, и с этим – жить.

Мы слепо верим до внезапного прозренья.
Вменяемы, но стали ближе к снам...
Нас топят волны перепада настроенья,
И поднимают цепи веры к небесам

Мы лишь мгновенье между будущим и прошлым,
Нам не до мыслей, кто был до и после нас,
И перемены мы встречаем осторожно,

И те же грабли бьют нас по лбу каждый раз.

А за окном дождливый ветер гонит тучи.

Закат простился с уходящим в вечность днём.

А все, что слепит завтра, будет лучше,

Мы терпеливы, до рассвета подождём...

Я был расстрелян утром на рассвете

*64 года назад, через неделю после смерти Сталина, было остановлено «дело врачей»
Написал несколько строк к этому событию,
оставившему свой след в истории отношения
власти и «прослойки»*

«Я был расстрелян утром на рассвете,
Когда роса стекала с спящих ив
И прошибал нутро холодный ветер,
И мир делился на своих и на чужих.

Я был разбужен и оставлен помолиться.
Охранник пьяный, что-то, внемля, прошептал...
Ключом железным дверь смогла открыться,
И приговор никто мне не читал.

С вещами вытолкали грязным коридором.
Спросонья я не понял, что и как.
Удар в лицо, и лай перед забором.
Глаза бегут от вспышки света в мрак.

Меня избили так, как месят тесто.
Я чувство страха с болью потерял,
Не находил в себе живого места.
От безысходности комок в груди застрял.

Мне этот год запомнится в могиле.
Я был врачом – и вдруг «убийцей» стал.
Я всё признал, когда меня избили,
И кровью с носа все бумаги подписал.

Я власть лечил и думал: это вечно.
Что знал – отдал, работал на износ.
А мне за это так бесчеловечно
Друзья-враги «состряпали» донос.

Как будто я, свою мечту лелея,
Хотел страну оставить без вождей,
И подсыпал в настойку я шалфея
Снотворных больше, чем в лечении людей.

Газеты пишут: стал «врачом-убийцей»,
И верят все; никто не скажет «бред».
Забыто всё добро – теперь я кровопийца,
И потянулся вдруг цепи преступной след.

В стране рабов кто врач, кто враг народа —
Решает вождь, покорность правит бал.
Вчера я ощутил обман свободы,
А завтра всё за это потерял.

Я осуждал и верил, что так надо,
И одобрял, клеймил и проклинал.
Я шёл туда, куда пастух гнал стадо,

Боль обреченных, как и все, не понимал.

Как веришь ты, народ, написанному свыше?
Неужто мудрость для тебя – газетный лист?
И слушаешь эфир, а голос свой не слышишь,
И отрекаешься от тех, кто сердцем чист.

Сегодня выход мой на сцену равнодушья.
Я сам себя по капле предавал.
В затылок выстрел иль петли удушье
Закончит дней безумных карнавал.

Я пару дней не дожил до спасенья...
Вождь умер в Пурим, отменён указ.
От рабства нету панацеи-излеченья,
Всё может повториться много раз.

А после нас, конечно, оправдают, —
Ошибки ведь не только у врачей.
Кто убивал нас, тот не пострадает.
Страна не сможет жить без палачей.»

Не трогайте прошлое

Не трогайте прошлое, прошлое свято.
Оно вам ответит само за себя.
Уж лучше никак, чем о ком-то предвзято,
Ехидно со злобой, весь мир не любя.
Вы лучше о нынешнем, смело и громко,
Кухонные споры и сытая злость,
Тогда вдруг придёт к нам всем совести ломка,
Чтоб после прощенья просить не пришлось.

Я художник и так вижу

Я художник и так вижу,
Своим мнением не обижу.
Много стало нас таких —
Свой рисунок, проза, стих...
Ну, а кто равнодушен,
Кто обидами разрушен,
Кому принципы важней
В сплаве вычурных идей,
Кто без «лайка» лезет в душу,
Без границы – море, суша —
Критикует всякий бред,
Чтоб хватило на обед, —
Тот меня не поменяет.
Он и сам об этом знает.
Пишет больше для себя,
Супер-Эго теребя.
Лесть хоть шансы оставляет,
Грубость связи убивает.
Чёрно-белое кино
Тянет за собой на дно.
Кто за деньги, кто со страху
Вставит слово в каждый слог.
Не согласных – в «бан», на плаху,
И судья им только Бог.
И лишь так, уж вы поверьте,

В повседневной круговерти
Взгляд на жизнь мы сохраним.
Мир так *чут*ок и раним.
Я художник и так вижу:
То люблю, то ненавижу.
За меня никто другой —
В вечный бой с самим собой...

Я страшно отдалился от народа

Я страшно отдалился от народа,
Да и народ распался на слои.
Все против всех, и разная свобода:
Чужие преданы и предают свои.

За словом вежливым душа вдруг крикнет матом,
Чтоб выразить понятно и для всех.
На каждого есть папка с компроматом,
Даже на тех, кто шьет нам папки те.

Единство есть, пока насос качает,
И на свободе лучше, чем в тюрьме,
Когда никто и ни за что не отвечает,
А все претензии к врагам внутри и вне.

Но что-то треснуло от точки невозврата,
Устал вращаться маятник Фуко,
И без вины найдется виноватый
А под вино всё рушится легко.

Незаменимые сменяются до срока.
Ах, если б знать, когда прийти и уходить...
И шарлатаны лечат мнимого пророка,
И восхваляют, чтобы после осудить.

Я не услышу в тишине ночного стука.

В век равнодушия стиху лишь грош цена

Поставит «лайк» читатель смелый мне с «фейсбука»

И путь укажет загулявшая луна.

Мне писать хорошо вне России

Мне писать хорошо вне России
В дни зарплаты, работы иной,
После Пушкина все мы такие.
Графоманство – магнит наш земной.
Первый стих, а потом повторенье.
Нам сначала – себя не понять,
А потом чьё-то нравоученье:
«Ну, Владимир, даёшь, твою мать!..»
А внутри – местечковости нотки,
Ожиданье начала конца,
Жажда знаний под русскую водку
И отрыжка под вкус огурца.
Каждый что-то оставить стремится.
Кто-то деньги, а кто-то стихи.
Чья-то мудрость лишь в прах превратится,
Чья-то глупость прощает грехи.
А поэзия – нет, не работа!
Это то, что сгорает в душе.
Снизойшло в будний день иль в субботу —
Всё забыл, только с нею уже.
Мы чудные, чего-то напишем
Сразу всем, и от каждого ждём...
Редко что-то читаем и слышим:
Нам тепло под февральским дождём.
Глупость видим в других непременно,

Из приличья об этом молчим.
В уравнении двух переменных
Мы проблему бессмертья решим.
Мы просты, как листок и бумага,
И чувствительны, словно слеза.
Ведь для счастья немного надо —
Чтоб прошла мимо с тучей гроза.
Удаляясь, всё больше мы любим.
Приближаясь – опять всё не так.
Нас сомненье спасает и губит,
А уверенность – наш артефакт.
В общем, думать об этом не сложно.
Мы отложим наш спор на потом.
Я закрою рояль осторожно.
Скоро ужин, шабат всем шалом.

Неизбежность – писать

Писать, как жить – простая неизбежность.
Зарядка мозга, лень, страсть и блажь.
И в каждой теме рифма, стиль «про нежность»
И не всегда чреды событий связь.

Читатель видит то, что хочет видеть,
Подспудно верит, молится, грешит,
Кого-то любит, терпит, ненавидит,
И получить от жизни всё спешит.

Ненужный груз от нас уходит в вечность,
За деньги всё – дворец, отель, сортир.
А якорь прошлого – добро и человечность
Остались за порогом замкнутых квартир.

Снаружи сталь, а всё внутри из ваты.
Мы так подвержены, чувствительны, нежны,
И в правоте своей мы часто виноваты,
А в пораженьи никому мы не нужны.

Писать, дышать, любить – кидаться в неизбежность,
Очистить от тоски души нарыв,
А всё вокруг останется как прежде,
И кончился врачебный перерыв.

Чем меньше кушаем, тем больше вдохновенья

Чем меньше кушаем, тем больше вдохновенья.
Усталость меньше беспокоит членов блажь,
В любви не только чувства и движенья,
Но и эстетики разбуженный кураж.

Чем меньше спим, тем больше недосыпа,
Тем чаще день натянут, как струна.
И дремлет всё нутро сквозь глаз открытый.
Предел желаний наших – выспаться сполна.

Чем меньше держим, больше ощущаем
Свою свободу от себя и от других.
Добро как должное, лишь зло мы замечаем,
Всё для себя, лишь свой читаем стих.

Всё меньше откровений избегаем,
Всё больше панцирем закрыты от проблем.
Глаза в глаза не смотрим, лишь моргаем,
Благополучие спасает от дилемм.

Всегда мы поучать других готовы,
Хоть жизнь свою хотим переписать.
Меняем принципы, сужденья и основы

В угоду тем, кто может всё решать.

И в сытой смелости кухонного сомненья
Мы видим суть грядущих перемен.
В прозрачной рюмке самовыраженья
Мы прыгаем из рабства в пьянства плен.

Так и живём; наверно, так и надо.
Придет Спаситель и всё сделает за нас.
Пастух устал, идёт послушно стадо,
А нам бы лишь проснуться в нужный час.

Был пятой колонной, жил с пятой графой

*Раздумья о политике. Герой вымышлен и если
есть совпадения – они случайны.*

Был пятой колонной, жил с пятой графой
Не шёл напролом, не кидался в запой,
Фамилию вовремя тихо сменил,
Медаль получил, в институт поступил.

И всё, как по нотам: судьба понеслась.
Упорство с талантом – и жизнь удалась.
Протест свой оставил для верной жены.
Кто выбрал лояльность, кто «вон из страны»...

Политика – грязь, лучше в бизнес вращать.
Воруя чуть-чуть, можно власть прославлять;
С «полезным» пропустишь с утра по одной,
И ваучер оптом продать со страной.

Ты думал, что сможешь народ поменять,
И выборов цель – всех начальников снять.
И жил – наслаждался, найдя компромисс
Ферзём или пешкой – в падении вниз.

Лояльный молчальник, вчерашний герой,
Сидишь там, где надо, растишь геморрой.
Всё ближе к «кормушке», всё дальше от масс,
Наличность на экспорт, под крики «Крым наш!»

Учиться, лечиться, от всех пропадать...
На то оно «НАТО», чтоб всех принимать.
«Отмыл», «заложил» и от шухера – в Прагу.
А кто не успел, тот «сыграет на Гаагу».

Страшнее всего свою совесть терять.
«Я не одобрял, я хотел всё сказать.
Я знал, бессердечно так с братской страной,
И наша победа вернётся войной.»

Под тяжестью санкций друг друга съедим,
Хоть тлеет надежда, что всех победим.
И хрупко так всё, и мосты сожжены,
Все что-то хотят, от врагов до жены.

Ты всё понимаешь и смело молчишь,
Сливаясь с толпою лишь гневно кричишь.
Семью и свободу забрал капитал,
И пятой колонной народ тебе стал.

а смыть с души – не хватит мыла.
Вялотекущий этот стих не станет точкой невозврата,
И если в страхе ты затих, то и страна не виновата.

Ложь и разврат. Надежда лишь на Трампа

Подъезд закрыт. Замок, разбита лампа.
Уехал тот, кто смог. Аптека, шприц, тюрьма.
Ложь и разврат. Надежда лишь на Трампа.
Придет и вычистит отчизну от дерьма.

А мы все ждём, и в ожидании этом
Хотим понять, чего он ждёт от нас.
Нам так легко во что-то верить слепо.
Вчера был друг, а завтра пид..рас.

А мой прогноз – всё будет только хуже.
На бедных и богатых поделился край родной.
И между ними грязь, забор и лужа,
И вздох прощальный из души пустой.

А может, всё не так уж слишком плохо.
Раз мы инаугурируем с мечтой.
И вскрыет наш нарыв пришедшая эпоха:
Аптека, шприц, тюрьма и скальпель золотой.

А люди продолжают уезжать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.